

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
31 August 2021
Russian
Original: English

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 904/2018* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Н.А.О. (представлена бывшим адвокатом Йоханной Эрикссон Алэн и адвокатом Сесилией фон Кох)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Швеция
<i>Дата сообщения:</i>	21 декабря 2018 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилами 114 и 115 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 24 декабря 2018 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	19 июля 2021 года
<i>Тема сообщения:</i>	депортация в Эфиопию
<i>Процедурный вопрос:</i>	приемлемость — явно недостаточная обоснованность
<i>Вопрос существа:</i>	угроза применения пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания в случае высылки в страну происхождения (невыворение)
<i>Статья Конвенции:</i>	3

1.1 Заявителем жалобы является Н.А.О., гражданка Эфиопии 1979 года рождения. Ее ходатайство о предоставлении убежища в государстве-участнике было отклонено, и ей грозит принудительная высылка в Эфиопию. Заявитель утверждает, что, если бы государство-участник осуществило ее депортацию, то это нарушило бы ее права по статье 3 Конвенции. Государство-участник сделало заявление в соответствии с пунктом 1 статьи 22 Конвенции, вступившее в силу 8 января 1986 года. Заявитель представлена адвокатом.

* Принято Комитетом на его семьдесят первой сессии (12–30 июля 2021 года).

** В рассмотрении сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Эссадия Бельмир, Клод Эллер, Эрдоган Искан, Лю Хуавэнь, Ильвия Пуце, Ана Раку, Диего Родригес-Пинсон, Бахтияр Тузмухамедов и Петер Ведель Кессинг.

1.2 Комитет, действуя через своего Докладчика по новым жалобам и временным мерам, 24 декабря 2018 года в соответствии с правилом 114 (1) своих правил процедуры просил государство-участник не депортировать заявителя в Эфиопию, пока сообщение находится на рассмотрении Комитета. Вслед за поступившей от Комитета просьбой о принятии временных мер государство-участник приняло решение приостановить исполнение постановления о высылке заявителя до дальнейшего уведомления.

1.3 В вербальной ноте от 20 июня 2019 года государство-участник просило Комитет отозвать свою просьбу о принятии временных мер. Комитет, действуя через своего Докладчика по новым жалобам и временным мерам, 31 марта 2020 года отклонил просьбу государства-участника об отмене временных мер.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель, гражданка Эфиопии, этническая сомалийка из клана Огаден, родилась, согласно полученной информации, в Букдхабу, Аваре, Эфиопия. Она замужем за человеком из того же клана, и у них семеро детей. Она утверждает, что ее муж и другие члены семьи принимали активное участие в деятельности Национального фронта освобождения Огадена, повстанческой группировки, борющейся за права сомалийцев в регионе Сомали, Эфиопия. Вследствие деятельности ее близких родственников в рядах Национального фронта освобождения Огадена предполагалось, что она придерживается тех же политических взглядов.

2.2 В марте 2015 года несколько представителей эфиопской полиции, именуемой Лию, пришли в дом заявителя, чтобы поинтересоваться местонахождением ее мужа¹. Поскольку она не знала его точного местонахождения и могла лишь ответить, что ее мужа нет дома и он уехал искать потерявшихся верблюдов, сотрудники избили ее. Через несколько дней сотрудники вернулись. Заявитель и ее брат, который также занимал должность в Национальном фронте освобождения Огадена, были жестоко избиты, а брат заявительницы получил несколько огнестрельных ранений. Затем их усадили в две разные машины, и после этого инцидента заявитель ничего не слышала о своем брате. В течение примерно четырех месяцев ее содержали под стражей в тюрьме, где она подвергалась жестоким пыткам. Ее заставляли смотреть видеозаписи сексуальных надругательств и изнасилований, она стала свидетелем пыток и изнасилований других заключенных, при этом ей угрожали таким же обращением, если она не предоставит информацию о своем муже. Ее содержали в нечеловеческих условиях, без воды и санитарии, лишали сна, давали недостаточное количество еды и питья и лишили доступа к медицинской помощи. Она также подвергалась другим видам физического насилия, например, ее пинали сапогами, жгли раскаленной трубой, били электрическими шнурами по ногам, заключали в маленький контейнер и подвергали воздействию сильной жары.

2.3 Когда состояние ее здоровья сильно ухудшилось, заявителя освободили после выплаты взятки ее тетей с условием, что она вернется в тюрьму, как только это позволит состояние ее здоровья. Тетя без ведома своего мужа, занимавшего высокий государственный пост, помогла заявителю добраться до столицы и связаться с торговцем людьми, который содействовал побегу заявителя из страны.

2.4 Заявитель обратилась с ходатайством о предоставлении убежища в Швеции 6 октября 2015 года. Шведское миграционное агентство 12 сентября 2017 года отклонило ее ходатайство. Оно пришло к выводу о том, что в устном рассказе заявителя в такой степени не хватает подробностей и достоверности, что его невозможно взять за основу для оценки ее предполагаемой потребности в защите. В частности, Шведское миграционное агентство сочло необычным тот факт, что заявителю не все известно о Национальном фронте освобождения Огадена, несмотря на то, что ее близкие родственники-мужчины участвуют в деятельности этой

¹ Эфиопская полиция Лию является подразделением полиции, созданным эфиопскими властями в регионе Сомали после эскалации вооруженного конфликта между Национальным фронтом освобождения Огадена и правительством в 2007 году.

организации. Кроме того, она не смогла ответить, были ли сотрудники, которые разыскивали ее мужа, сотрудниками полиции или военнослужащими. Кроме того, она сообщила противоречивую информацию об обстоятельствах задержания ее и ее брата.

2.5 Это решение было обжаловано в Суде по миграционным делам, который 28 июня 2018 года отклонил апелляцию. В ходе судебного разбирательства заявитель впервые заявила о том, что подвергалась пыткам, и представила медицинское заключение, выданное лечебным центром Шведского Красного Креста. Суд по миграционным делам не принял объяснений заявителя относительно расхождений, обнаруженных Шведским миграционным агентством в ее досье на получение убежища. Несмотря на то, что Суд по миграционным делам признал, что в прошлом она подвергалась пыткам, Суд, учитывая недостаточную достоверность ее рассказа, счел маловероятным, что по возвращении в Эфиопию ей будет реально угрожать жестокое обращение. Апелляционный суд по миграционным делам 7 августа 2018 года отказал в праве на апелляцию, и решение о высылке заявителя вступило в законную силу.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что ее высылка в Эфиопию стала бы нарушением ее прав по статье 3 Конвенции. Она считает, что имеются серьезные основания полагать, что, если ее депортируют, она подвергнется пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания, попав в руки эфиопских властей.

3.2 Заявитель, в частности, утверждает, что в прошлом она подвергалась жестокому обращению со стороны представителей эфиопской полиции Лию. Она подчеркивает, что медицинское обследование, проведенное в соответствии с Руководством по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Стамбульский протокол), подтверждает ее показания о том, что ее подвергали пыткам. Она утверждает, что ее заявления также совпадают с общей информацией об Эфиопии, изложенной в страновом докладе, подготовленном Министерством по вопросам интеграции и иммиграции Дании, согласно которому существует высокий риск преследования лиц, связанных с Национальным фронтом освобождения Огадена, особенно для заключенных в регионе Сомали².

3.3 Она далее утверждает, что национальные власти в основном полагались на незначительные расхождения, обнаруженные в ее рассказе. В связи с этим она утверждает, что объяснила властям, что эти несоответствия отчасти являются следствием ошибок перевода, того факта, что переводчиком был мужчина, что не позволило ей эффективно оспорить эти ошибки, а также того факта, что у нее было диагностировано посттравматическое стрессовое расстройство, что привело к серьезной потере памяти. Она утверждает, что ее неспособность четко ответить на вопрос, следует ли считать эфиопскую полицию Лию полицейской или военной силой, объясняется тем, что даже согласно соответствующей информации по стране, простого ответа на этот вопрос не существует. Полиция Лию — это созданная правительством военизированная специальная полиция, замешанная в многочисленных актах нарушения прав человека против гражданского населения в регионе Сомали, правовой статус которой остается неясным. Что касается ее якобы скудных знаний о Национальном фронте освобождения Огадена, она отмечает, что, согласно подготовительным материалам к Закону государства-участника об иностранцах, знание о политической деятельности членов семьи не является показателем собственных политических взглядов человека. Учитывая также культурные различия, отсутствие у заявителя глубокого понимания деятельности Национального фронта освобождения Огадена не должно было служить основанием для негативного заключения в отношении достоверности ее показаний.

² Дания, Датская иммиграционная служба (Министерство по вопросам интеграции и иммиграции), *Ethiopia: Political Situation and Treatment of Opposition* (Copenhagen, 2018).

3.4 Что касается нынешнего положения с правами человека в Эфиопии, то заявитель утверждает, что, несмотря на произошедшие недавно некоторые изменения в отношениях между различными заинтересованными сторонами, в настоящее время невозможно предугадать, действительно ли эти изменения повлекут за собой позитивные перемены на местах. Она утверждает, что в стране ее происхождения по-прежнему процветает коррупция и что нет гарантии, что в случае депортации она не подвергнется жестокому обращению, учитывая ее преследования в прошлом и тот факт, что она бежала из страны, чтобы избежать тюремного заключения. Таким образом, она делает вывод, что в случае ее депортации в Эфиопию ей грозит предсказуемая, личная и реальная опасность подвергнуться пыткам в нарушение статьи 3 Конвенции.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

4.1 Государство-участник 20 июня 2019 года представило свое замечание в отношении приемлемости и существа сообщения. Государство-участник ссылается на свое соответствующее внутреннее законодательство и указывает, что власти рассмотрели дело заявителя в соответствии с Законом об иностранцах 2005 года и статьей 3 Конвенции. Оно напоминает о фактах, на которых основано сообщение, а также об утверждениях заявителя.

4.2 Государство-участник не оспаривает утверждения об исчерпании заявителем внутренних средств правовой защиты. Однако оно утверждает, что сообщение должно быть признано неприемлемым в соответствии с пунктом 2 статьи 22 Конвенции и правилом 113 b) правил процедуры Комитета, поскольку утверждение заявителя о том, что ее высылка в Эфиопию будет равносильна нарушению статьи 3 Конвенции, лишено даже минимально приемлемого уровня обоснования. Однако, если Комитет объявит сообщение приемлемым, то ему следует сделать вывод о том, что высылка заявителя в Эфиопию не будет являться нарушением Конвенции.

4.3 По мнению государства-участника, оценки Шведского миграционного агентства и Суда по миграционным делам свидетельствуют о том, что они тщательно изучили устные и письменные материалы, представленные заявителем. Государство-участник напоминает, что ранее Комитет исходил из того, что оценку фактов и доказательств должны осуществлять суды государств-участников, а не Комитет, если только оценка судов не является явно произвольной или равносильной отказу в правосудии. В рассматриваемом деле нет никаких оснований для вывода о том, что оценки, сделанные властями государства-участника в отношении утверждения заявителя о необходимости в международной защите, были произвольными или равносильными отказу в правосудии. Поэтому этим оценкам следует придать большое значение.

4.4 Кроме того, государство-участник утверждает, что, хотя оно не хотело бы недооценивать обеспокоенности, которая, возможно, обоснованно выражена в отношении нынешней ситуации с правами человека в Эфиопии, общее положение с правами человека в стране не таково, чтобы порождать общую необходимость защиты всех просителей убежища. Помимо этого, заявитель не продемонстрировала, что ей лично угрожает реальная опасность подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, после ее возвращения в Эфиопию. Как Шведское миграционное агентство, так и Суд по миграционным делам проводили слушания и собеседования, а также тщательные проверки. Таким образом, заявитель неоднократно имела возможность устно и письменно подкрепить свои утверждения дополнительными аргументами. Таким образом, власти государства-участника располагали достаточной информацией для надлежащей оценки просьбы заявителя о предоставлении международной защиты.

4.5 Государство-участник поясняет, что в своей общей оценке дела заявителя Шведское миграционное агентство не сочло рассказ заявителя заслуживающим доверия и не нашло оснований, чтобы сделать вывод о том, что она нуждается в международной защите. В частности, в своем решении первой инстанции от 12 сентября 2017 года Шведское миграционное агентство сочло неправдоподобным

тот факт, что, хотя она утверждала, что ее семья в течение нескольких лет была связана с Национальным фронтом освобождения Огадена и что она симпатизирует делу этой группировки, она не смогла уточнить ни одной из основных особенностей, характеризующих эту группировку, кроме того, что они борются за независимость сомалийцев в регионе Сомали в Эфиопии. Она также не смогла сообщить сколько-нибудь подробную информацию о степени приверженности ее семьи делу этой группировки. Кроме того, Шведское миграционное агентство отметило, что, хотя заявитель утверждала, что к ней неоднократно приходили представители правящих структур Эфиопии, она не знала, сколько человек приходило, разыскивая ее мужа, к каким правящим структурам они принадлежали и были ли они полицейскими или военнослужащими. Она предоставила противоречивую информацию в отношении ряда событий, которые имели большое значение для рассказа, который она представила в ходе процедуры рассмотрения дела о предоставлении убежища. Например, она сделала противоречивые заявления о том, был ли ее брат убит или только получил огнестрельные раны и был арестован в ее доме, и в какой момент он рассказал властям об участии ее мужа в деятельности Национального фронта освобождения Огадена. Она также предоставила противоречивую информацию о времени своего ареста, в частности, произошло ли это в тот день, когда в ее брата стреляли, или двумя днями позже, когда сотрудники вернулись.

4.6 Государство-участник утверждает, что Суд по миграционным делам в своем решении от 28 июня 2018 года не поставил под сомнение утверждение о том, что заявитель получила травмы, зафиксированные в ходе расследования, и документы о том, что ее подвергали пыткам. Однако одно лишь расследование не было сочтено достаточным для того, чтобы убедительно продемонстрировать, что заявителю грозит опасность в Эфиопии. В связи с этим государство-участник подчеркивает, что Суд по миграционным делам согласился с негативной оценкой Шведского миграционного агентства в отношении достоверности показаний заявителя. В частности, Суд по миграционным делам счел необычным тот факт, что в ходе расследования дела о предоставлении убежища заявитель утверждала, что единственным заданием ее мужа было снабжение Национального фронта освобождения Огадена продовольствием, в то время как на устном слушании в суде она заявила, что ее муж также оказывал этой группировке финансовую поддержку и снабжал ее информацией. Суд по миграционным делам не смог принять объяснения заявителя о том, что несоответствие возникло из-за ошибок в устном переводе, поскольку она должным образом не сообщила об этих ошибках в замечаниях к протоколам своих собеседований. Она также никогда раньше не упоминала, что не осмеливалась высказывать недовольство переводчику, потому что он был мужчиной. Предоставленная ею информация о положении ее брата в Национальном фронте освобождения Огадена также не отличалась ясностью. И наконец, Суд по миграционным делам подверг сомнению рассказ заявителя об обстоятельствах ее освобождения и побега в государство-участник, особенно потому, что, учитывая плохое состояние ее здоровья, счел неправдоподобным, что она смогла отправиться в Швецию, не обратившись за медицинской помощью. Суд по миграционным делам также счел необычным тот факт, что заявитель смогла покинуть Эфиопию, несмотря на то, что находилась под наблюдением.

4.7 Государство-участник отмечает, что заявитель дала противоречивые показания в отношении числа ее братьев, убитых представителями правящих структур Эфиопии, а также в отношении того, поехала ли она со своей тетей в Аддис-Абебу сразу же после освобождения, или оставалась в доме тети перед тем, как отправиться в столицу.

4.8 Государство-участник полагает, что расхождения, обнаруженные в досье заявителя, имеют решающее значение. Несмотря на то, что сейчас она утверждает, что эти противоречия отчасти являются следствием ее посттравматического стрессового расстройства, которое привело к сильной потере памяти, состояние ее здоровья никогда не указывалось в качестве причины ее неспособности представить связный рассказ в поддержку просьбы о предоставлении ей убежища. В действительности же в отчете, представленном заявителем, нет ни одного упоминания о подтвержденной проверкой дисфункции памяти.

4.9 В свете вышеизложенного государство-участник не находит причин ставить под сомнение выводы, сделанные национальными властями, и считает, что представленного заявителем обоснования ее утверждений недостаточно для вывода о том, что ей грозит предсказуемая, личная, явная и реальная опасность жестокого обращения по возвращении в Эфиопию, что противоречит статье 3 Конвенции.

Комментарии заявителя к замечаниям государства-участника в отношении приемлемости и существа дела

5.1 Заявитель 17 октября 2019 года представила комментарии к замечаниям государства-участника. Она подтверждает свои аргументы, касающиеся приемлемости жалобы, которые изложены в ее первоначально представленных материалах. Что касается существа жалобы, то она утверждает, что, хотя эта информация не фигурирует в документах, женщину-защитника по назначению суда, первоначально назначенную для ведения ее дела, заменял мужчина до тех пор, пока Шведское миграционное агентство не вынесло своего решения. Она повторяет, что переводчик также был мужчиной. Она утверждает, что, несмотря на то, что у нее официально имелось право оспорить протокол слушаний и заявить о пытках в ходе разбирательства в первой инстанции, она не смогла этого сделать из-за своего страха перед мужчинами, который объясняется культурными различиями и жестоким обращением со стороны мужчин, с которым она сталкивалась.

5.2 В ответ на утверждения государства-участника о смерти ее старших братьев, она заявляет, что не считает информацию о смерти старших братьев уместной, поскольку на момент ее ареста их уже не было в живых, а также учитывая то обстоятельство, что ее младший брат был единственным, кто присутствовал при инцидентах, которые ставятся под сомнение. Что касается ее якобы непоследовательности в отношении точного времени смерти ее младшего брата, она утверждает, что ее брат был настолько серьезно ранен, что она приняла как само собой разумеющееся, что он был убит. Однако, когда она находилась под стражей, ей сообщили, что ее брат жив, но эта информация так и не получила подтверждения. В этом заключается основная причина, по которой она иногда была непоследовательна в отношении предполагаемой смерти своего младшего брата.

5.3 Она далее повторяет, что она необразованная женщина, которой трудно оспаривать или поднимать вопросы в условиях, когда она чувствует себя по уровню ниже из-за своей культурной принадлежности. Она напоминает, что страдает от посттравматического стрессового расстройства и что ошибочный перевод возможно слегка добавил непоследовательности ее рассказу.

5.4 Она далее отмечает, что, хотя национальные власти и признали, что она подвергалась пыткам, но они в то же время пришли к выводу о том, что не было продемонстрировано, что это действительно было предположительно связано с ее политическими взглядами, не выдвинув при этом никакого правдоподобного объяснения, как, по их мнению, заявитель получила эти свои травмы. Кроме того, в ее медицинском заключении, составленном на основании оценки, проведенной в соответствии со Стамбульским протоколом, отмечено, что она настаивала на важности иметь дело со специалистами-женщинами из-за ее недоверия к мужчинам. Несмотря на это, во время слушаний в Суде по миграционным делам присутствовали несколько мужчин, что может поставить под сомнения справедливость разбирательств, поскольку с процессуальной точки зрения особые потребности заявителя так и не были удовлетворены. Это тем более проблематично, поскольку эти заявления рассмотрены только в Суде по миграционным делам, так как заявитель боялась поднимать вопросы о применении в отношении нее пыток на более ранних этапах разбирательств. В этом отношении оценка Суда по миграционным делам и справедливость разбирательства невозможно было оспорить, поскольку Апелляционный суд по миграционным делам не удовлетворил ее ходатайства о разрешении подать апелляцию.

5.5 Наконец, заявитель отмечает, что, несмотря на доклады, на которые ссылается государство-участник, положение в области прав человека в Эфиопии по-прежнему нестабильно, и, учитывая ее личные обстоятельства, она утверждает, что в случае

депортации в Эфиопию ей грозит предсказуемая и реальная опасность подвергнуться жестокому обращению в нарушение статьи 3 Конвенции.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде, чем приступить к рассмотрению любой жалобы, изложенной в сообщении, Комитет должен принять решение, является ли она приемлемой в соответствии со статьей 22 Конвенции. В соответствии с требованиями пункта 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

6.2 В соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции Комитет не будет рассматривать сообщение, пока не убедится в том, что представившее его лицо исчерпало все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Комитет отмечает, что заявитель обжаловала решение Суда по миграционным делам об отклонении ее ходатайства о предоставлении убежища и что она просила разрешения на апелляцию в Апелляционном суде по миграционным делам, который отклонил ее просьбу 7 августа 2018 года. Комитет отмечает, что в данном деле государство-участник не оспаривает того, что заявитель исчерпала все доступные внутренние средства правовой защиты. Соответственно, Комитет считает, что пункт 5 b) статьи 22 Конвенции не препятствует рассмотрению им настоящего сообщения.

6.3 Государство-участник заявляет, что данное сообщение неприемлемо как явно необоснованное. Тем не менее Комитет считает, что в связи с утверждениями, выдвинутыми заявителем, возникают предметные вопросы, которые следует рассмотреть по существу. Поскольку Комитет не видит препятствий для признания сообщения приемлемым, он признает его приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение по существу

7.1 Согласно пункту 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел сообщение в свете всей информации, предоставленной ему сторонами.

7.2 В данном деле Комитету необходимо решить, станет ли возвращение заявителя в Эфиопию нарушением обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции не высылать или не возвращать («refouler») какое-либо лицо в другое государство, если существуют серьезные основания полагать, что там ему может угрожать применение пыток.

7.3 Комитету надлежит оценить, имеются ли веские основания полагать, что заявитель подвергнется личной угрозе применения пыток после ее возвращения в Эфиопию. При оценке этой угрозы Комитет должен принять во внимание все соответствующие соображения, вытекающие из пункта 2 статьи 3 Конвенции, включая наличие постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Вместе с тем Комитет напоминает, что целью такой оценки является определение того, будет ли данному лицу лично угрожать предсказуемая и реальная опасность подвергнуться пыткам в стране, в которую он или она подлежит возвращению. Следовательно, наличие практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточным основанием для определения того, что соответствующему конкретному лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам по возвращении в эту страну; должны быть приведены дополнительные основания для подтверждения того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу. И напротив, отсутствие постоянной практики

вопиющих нарушений прав человека не означает, что соответствующее лицо не может быть подвергнуто пыткам с учетом его конкретных обстоятельств³.

7.4 Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 4 (2017), согласно которому Комитет оценит наличие «серьезных оснований» и будет считать опасность применения пыток предсказуемой, касающейся лично заявителя, явной и реальной, если наличие достоверных фактов, касающихся непосредственно опасности, на момент принятия решения Комитетом будет затрагивать права заявителя по Конвенции в случае его или ее депортации. К факторам наличия опасности, угрожающей лично заявителю, могут относиться, не ограничиваясь этим, следующие: а) этническое происхождение заявителя; б) политическая принадлежность или политическая деятельность заявителя и/или членов ее семьи; в) арест или задержание без гарантии справедливого судебного разбирательства и обращения; г) заочное вынесение приговора; и е) предыдущее применение пыток (п. 45)⁴. Что касается существа сообщения, представленного в соответствии со статьей 22 Конвенции, то бремя доказывания возлагается на автора сообщения, который должен аргументированно представить дело, т.е. представить обоснованные доводы, доказывающие, что опасность подвергнуться пыткам является предсказуемой, явной, касающейся лично автора и реальной. Однако в том случае, если заявители находятся в ситуации, когда они не могут представить более подробной информации по своему делу, например когда они доказали, что не имеют возможности получить документацию, касающуюся их утверждений в отношении пыток, либо лишены свободы, бремя доказывания возлагается на противоположную сторону, и расследовать утверждения и проверять информацию, которые лежат в основе жалобы, надлежит соответствующему государству-участнику⁵. Комитет напоминает также о том, что он придает огромное значение выводам на основе фактических данных, приводимым органами соответствующего государства-участника; в то же время он не считает себя связанным такими выводами, поскольку, согласно пункту 4 статьи 22 Конвенции, может свободно оценивать имеющуюся информацию, принимая во внимание все соответствующие обстоятельства каждого дела⁶.

7.5 Оценивая риск применения пыток в данном деле, Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что в случае возвращения в Эфиопию ей грозит обращение, противоречащее статье 3 Конвенции, поскольку предполагается, что она придерживалась определенных политических взглядов вследствие деятельности, которую ее родственники вели в Национальном фронте освобождения Огадена, и поскольку она покинула Эфиопию, хотя должна была вернуться в тюрьму для отбывания наказания. Комитет принимает к сведению ее утверждение о том, что несколько ее родственников были убиты из-за их связи с Национальным фронтом освобождения Огадена и что она подвергалась тюремному заключению, пыткам и различным видам жестокого обращения, включая сексуальное насилие, со стороны представителей правящих структур Эфиопии. Комитет принимает во внимание медицинское/психологическое заключение, представленное ему в качестве доказательства утверждений заявителя о пытках. Он отмечает утверждение заявителя о том, что шведские органы по вопросам предоставления убежища ошибочно определили, что ее материалы не заслуживают доверия, поскольку ее изложение было подробным и последовательным, и она дала объяснения по всем предполагаемым расхождениям, обнаруженным в ее рассказе.

7.6 Комитет отмечает, что органы власти государства-участника, тем не менее, сочли жалобу заявителя не заслуживающей доверия, поскольку она представила противоречивые и расплывчатые утверждения, касающиеся ключевых элементов ее показаний. В связи с этим Комитет отмечает утверждение государства-участника о том, что объяснения заявителя по поводу этих несоответствий не были приняты, поскольку она не смогла должным образом оспорить протокол слушаний, а также

³ См., например, дела *Э.Т. против Нидерландов* (CAT/C/65/D/801/2017), п. 7.3; и *И.Г. против Швейцарии* (CAT/C/65/D/822/2017), п. 7.3.

⁴ Замечание общего порядка № 4 (2017), п. 45.

⁵ Там же, п. 38.

⁶ Там же, п. 50.

ранее не упомянула в соответствующих органах о том, что боялась высказывать недовольство переводчику, поскольку он был мужчиной. Кроме того, заявитель никогда не сообщала национальным властям о том, что ее состояние здоровья, а именно прогрессирующее хроническое посттравматическое стрессовое расстройство, могло помешать ее способности давать полные и связные показания по ее делу. Комитет также отмечает позицию государства-участника, в соответствии с которой медицинское/психологическое заключение, выданное лечебным центром Шведского Красного Креста, само по себе не было признано достаточным для убедительной демонстрации того, что заявителю угрожает опасность в случае возвращения в Эфиопию. Комитет далее принимает к сведению заявление государства-участника о том, что Суд по миграционным делам также подверг сомнению рассказ заявителя об обстоятельствах ее освобождения и побега в Швецию, особенно потому, что считал неправдоподобным, что она смогла выехать в Швецию без обращения за медицинской помощью, несмотря на плохое состояние здоровья, и что она смогла покинуть Эфиопию, несмотря на то, что находилась под наблюдением правительства Эфиопии.

7.7 При проведении своей оценки Комитет отмечает, что заявитель не сообщила о каких-либо нарушениях в ходе национальной процедуры предоставления убежища, кроме упоминания в своих недавно представленных Комитету материалах о том, что процедура проводилась в присутствии нескольких мужчин, что в ее случае может поставить под сомнение справедливый характер процедуры. Она объясняет, что в ее медицинском/психологическом заключении было указано, что она настаивала на важности иметь дело со специалистами-женщинами из-за недоверия к мужчинам. Комитет считает, однако, что заявитель не смогла доказать, что она прямо просила органы по вопросам предоставления убежища не проводить разбирательство в присутствии мужчин или найти другие способы удовлетворить ее потребности в этом отношении.

7.8 Комитет отмечает, что у заявителя имелись достаточные возможности представить доказательства и более подробную информацию в подтверждение своих жалоб, однако представленные ею доказательства не позволили национальным органам по вопросам предоставления убежища сделать вывод о том, что пережитый ею в прошлом арест и пытки могут подвергнуть ее угрозе применения пыток в случае возвращения в Эфиопию. В связи с этим Комитет отмечает, что наличие у заявителя последствий прошлого опыта не оспаривалось национальными властями, но Суд по миграционным делам постановил, что на основании одного лишь медицинского/психологического заключения невозможно установить источник происхождения этих последствий. Поэтому, а также в свете несоответствий, выявленных в ее устных заявлениях, государство-участник посчитало, что медицинское/психологическое заключение не смогло подтвердить рассказ заявителя. Принимая также во внимание, что от жертв пыток редко можно ожидать полной точности⁷, Комитет считает, что национальные власти, возможно, в значительной степени полагались на негативную оценку достоверности заявителя, даже несмотря на то, что некоторые несоответствия в заявлениях заявителя могли быть вызваны ошибками перевода или им можно было дать разумное объяснение.

7.9 Комитет в любом случае напоминает, что жестокое обращение, перенесенное в прошлом, является лишь одним из элементов, подлежащих учету, а вопрос, стоящий перед Комитетом, заключается в том, угрожает ли заявителю в настоящее время опасность подвергнуться пыткам в случае возвращения в Эфиопию⁸. Комитет считает, что даже если не принимать во внимание предполагаемых несоответствий в рассказе заявителя о ее прошлом опыте пережитого в Эфиопии и принять ее заявления как правдивые, заявитель не предоставила никакой информации, достоверно указывающей на то, что в настоящее время она может представлять интерес для властей Эфиопии. В связи с этим Комитет отмечает, что заявитель не признавалась ни национальным властям, ни Комитету в том, что принимала участие в политической

⁷ Там же, п. 42. См. также *Алан против Швейцарии* (CAT/C/16/D/21/1995), п. 11.3; и *Г.Э. против Австралии* (CAT/C/61/D/725/2016), п. 7.6.

⁸ См., например, дела *С.С.Б. против Дании* (CAT/C/60/D/602/2014), п. 8.7; и *Тируганасампантар против Австралии* (CAT/C/61/D/614/2014), п. 8.7.

деятельности в Эфиопии. Она также не утверждала, что занималась политической деятельностью групп диаспоры во время своего пребывания в Швеции. Кроме того, тот факт, что заявитель смогла покинуть Эфиопию без каких-либо инцидентов, также свидетельствует об отсутствии интереса государственных органов к ее местонахождению, особенно потому, что она не смогла доказать, что покинула страну незаконно. Кроме того, она не представила никаких доказательств того, что эфиопские власти разыскивают ее, ни на основании прошлых событий, ни по какой-либо иной причине. Поэтому Комитет считает, что заявитель не представила достаточных доказательств того, что ее предполагаемая в прошлом принадлежность к Национальному фронту освобождения Огадена, основанная на членстве ее родственников в этой организации, имела бы достаточное значение, чтобы привлечь реальный интерес эфиопских властей.

7.10 Комитету известно о прошлых сообщениях, касающихся нарушений прав человека, включая применение пыток, в Эфиопии⁹, а также о подавлении политических диссидентов и арестах блогеров и журналистов¹⁰. Тем не менее он напоминает, что для целей статьи 3 Конвенции соответствующее лицо должно сталкиваться с предсказуемым, личным, явным и реальным риском подвергнуться пыткам в стране, в которую оно возвращается, учитывая, что прошлые аресты как таковые не являются существенным основанием полагать, что такой риск существует. Учитывая вышеизложенное, Комитет считает, что информации, представленной заявителем, недостаточно для того, чтобы установить, что, почти шесть лет спустя после предполагаемых событий, она будет подвергаться предсказуемому, личному и реальному риску подвергнуться пыткам в случае ее возвращения в Эфиопию¹¹.

8. В свете вышеизложенного Комитет, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, приходит к выводу о том, что возвращение заявителя в Эфиопию государством-участником не будет являться нарушением статьи 3 Конвенции.

⁹ См., например, заключительные замечания Комитета по первоначальному докладу Эфиопии (CAT/C/ETH/CO/1, пп. 10–14); Организации «Хьюман райтс уотч», *“We Are Like the Dead”*: Torture and Other Human Rights Abuses in Jail Ogaden, Somali Regional State, Ethiopia (2018); и «Международная амнистия», *Beyond Law Enforcement: Human Rights Violations by Ethiopian Security Forces in Amhara and Oromia* (2020).

¹⁰ Организация «Хьюман райтс уотч», *“Such a Brutal Crackdown”*: Killings and Arrests in Response to Ethiopia’s Oromo Protests (2016).

¹¹ См. дела *В.М. против Австралии* (CAT/C/67/D/723/2015), п. 7.8; *Ренавака против Австралии* (CAT/C/68/D/855/2017), пп. 9.7 и 9.8; *С.П. против Австралии* (CAT/C/68/D/718/2015), п. 7.7; и *И.П.В.Ф. против Австралии* (CAT/C/63/D/618/2014), п. 8.7.